

Как это было?

Воспоминания внучки последнего смотрителя Кале

Мои бабушка и дедушка жили на Кале, и вообще вся моя родня жила там. Мой дедушка, папин папа, Абрам Дубинский – газзан, был смотрителем на Кале, а Серая Маркович Шапшал, был двоюродным братом моей бабушки. Жили хорошо, держали скот, у них были коровы и барашки, лошади. На Бурунчаке был огород, были сады, виноградники, в колодцах была вода. Раньше девушки караимочки были большими рукодельницами: вышивали, вязали, очень вкусно готовили. Бабушку моих бабушек Ханьш мамину маму и ее сестру Султан приглашали на всякие торжества помогать приготавливать вкусные блюда.

Варили всевозможные варенья, соревновались в ассортименте, варили из фиалок, кабачков, даже из барбариса по 100–200 гр., удаляя косточки.

Кале посещали высокие гости, как-то приехал император Николай II, его угощали каймаком с розовым вареньем. Каждая девушка, зная, что он приедет, вышила полотенце. Когда император вымыл руки, наблюдали, чьим же полотенцем он вытрет руки, и он вытер полотенцем бабушки Султан.

Во время войны те, кого не взяли в армию, все мои родственники жили на Кале со своими семьями, они помогали партизанам продуктами и всем, чем могли.

А меня в 1941г. перед самой войной приехала и забрала с собой тетя Леля из Ленинграда, двоюродная сестра папы. Папа работал директором завода КИМ, в августе должен был взять отпуск и поехать с семьей в Ленинград. У меня было еще три брата, один – старше и два – младше меня (к сожалению их уже нет в живых).

В июне началась война, мои родители остались в Бахчисарае, а я – в Ленинграде.

Тетя Леля, вероятно, пыталась меня отправить домой, потому что я помню, как мы ходили на вокзал, но безуспешно, так я осталась в блокадном Ленинграде.

Все, что пережили жители блокадного Ленинграда, и в страшном сне не приснится, это – кромешный ад. Что-то я помню, а что-то рассказывали мои тети, еще одна тетя жила в Ленинграде – тетя Соня, папина двоюродная сестра, тети Лели – родная. У нее была взрослая дочь Люся, архитектор по специальности, я какое-то время жила у них. Как-то к нам пришла их знакомая женщина, посидела некоторое время, тетя Соня ее называла по имени отчеству (я сейчас не помню) и сказала: «Вы бы, наверное, уже ушли, а то здесь у нас умрете, а у нас не хватит сил вас отсюда вынести». Она ответила: «Я сегодня не умру, может завтра». Никто не обижался, все знали, что они обречены.

Потом, тетя Соня со своей дочерью Люсей эвакуировалась в Сибирь, там работал геологом муж Сони, дядя Володя. Меня не могли взять, потому что на каждого работоспособного можно было брать одного иждивенца, Люся взяла свою маму.

Когда тетя Соня стала рассказывать о том, что делается в Ленинграде, какой ужас, голод, бомбят по 11 раз в сутки, что не успевали подняться из бомбоубежища, опять – тревога. Поели собак, кошек, а хлеб, если можно его так называть, давали по 125 г., страшный холод, все сожгли в квартире, в последнюю очередь стали жечь библиотеку. Муж был, конечно, в страшном ужасе, кое-что он уже слышал, но когда тетя Соня рассказала, про соседку, он был просто поражен, как она могла (зная ее доброе сердце) сказать такое. Тетя Соня, когда приезжала после войны в Бахчисарай, об этом

Валентина,
8 октября 1954 г.

Валентина Александровна Дубинская родилась 29 июня 1934 г. в Бахчисарае в семье Александра Абрамовича Дубинского и Раисы Осиповны Пембек. Окончила школу в Бахчисарае, затем финансово-экономический техникум в Одессе. Работала на консервном заводе в Бахчисарае начальником снабжения, затем – заместителем директора. Вышла замуж в 1966 г., у неё есть сын Александр, и даже внук – Владислав.

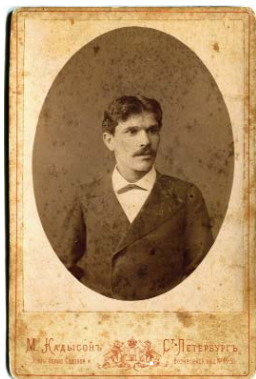
Серая Шапшал (стоит справа) с братом Мусой, матерью Акбике (сидит в центре) и другими членами семьи

рассказывала. После войны они вернулись в Ленинград.

Опять я стала жить у тети Лели, у нее был взрослый сын Володя, он умер с голоду, остался его сын – Вадим, внук тети Лели, ему было 3 года, мне было 7 лет. Тетя Леля нас закрывала и уходила на работу и строго предупреждала, чтобы мы никому не открывали дверь, приходили, стучали, конфеты предлагали, конфет у них, конечно, никаких не было, были случаи уже ели людей, а детей тем более. Был случай, шла женщина со своим малолетним сыном и увидели кошку, вероятно, уже из последних осталась, сын показывает пальцем на кошку, но подойти к кошке не могут, нет сил, а кошка сама идти не может.

Мы жили напротив зоологического сада. В зоологический сад попала бомба, убило слона, очень много зверей погибло, горели американские горки, как сейчас помню.

Затем был указ, всех детей сдать в детдома, чтобы как-нибудь сохранить жизнь детям, и моя тетя сдала меня в детдом, затем я не помню, сколько времени я жила в Ленинграде в детдоме, а тетя Леля с Вадимом в Ленинграде пережили всю блокаду. Через какое-то время, зимой, нас стали эвакуировать через Ладожское озеро (Дорога Жизни). Немцы страшно бомбили, много машин с детьми пошло под лед с детьми и погибло. Наш детдом эвакуировали в г. Иваново, Вязниковский р-н село Метеры. Нас детей водили на прогулку, водили в лес собирать чернику и другие ягоды. В детдоме меня считали круглой сиротой. Кормили

Абрахам Дубинский, смотритель Кале

нас, в основном, гороховым супом и гороховой кашей, мы это все съедали, а хлеб брали с собой, клали под подушку, и кусочками отщипывали и ели (кто испытал голод, тот знает цену хлеба и никогда над ним не надругается). Воспитатели, конечно, нам не разрешали хлеб брать с собой, а мы брали, вероятно, сказывался голод, который мы перенесли. Однажды был какой-то праздник и нам дали на ужин по куску пирога и по несколько конфет. Какая это была большая радость, трудно передать, но воспитательница предупредила, чтобы все съели за столом, а если кто возьмет с собой, то будет забирать, но многие дети не поверили и взяли с собой и воспитательница забрала, хотела просто приучить к порядку. Тогда дети подняли такой плач, плакали все, это была истерика, воспитательница уже хотела вернуть все, но дети не брали, а только плакали, остановить истерику не могли. Тогда вызвали директора, уже за полночь она потихоньку нас успокоила, дети были очень ранимыми.

Однажды, во время дневного сна, и снится мне наш дом, я дома в Бахчисарае, в комнате на диване за столом сидит мой папа, на столе ваза с яблоками, как всегда было. Папа ко мне обращается и говорит: «Валя, Валя», – а это была наша нянечка и называла меня по имени, она мне говорит: «Пришло письмо от родителей с фотографией», – они меня разыскивали. Оказывается, как я потом узнала, когда эвакуировали детдома из Ленинграда, то помогали ответственные люди, и был такой Китаев, который занимал высокий пост, он дал моему папе несколько адресов (не знаю сколько) детдомов, куда вывезли детей. В Бахчисарай он попал, когда в 1944 году выслали татар из Крыма и заселяли переселенцами, его, как коммуниста, назначили председателем райисполкома, а мой папа был директором завода КИМ, после того, как выгнали немцев из Бахчисарая и из Крыма, его назначили директором завода.

Нянечка меня разбудила и повела, там меня ждала наш директор, которая сказала: «Тебе письмо от родителей». Я как-то не очень обрадовалась, я уже привыкла в детдоме, ходила в школу, мне нравилось в детдоме. Однажды, как сейчас помню – большой зал, мы все дети сидим прямо на полу, к нам приехал чей-то папа с фронта и рассказывал, как бьют фашистов, мы всегда очень внимательно слушали, и заходит наша

директор. Помню, звали – Екатерина, как отчество, не помню, у меня о ней самые теплые воспоминания, берет меня за руку, гладит по голове и потихоньку выводит меня из зала, и говорит: «Хотела ли бы ты увидеть свою маму?». Я не успела даже ей ответить, мы вышли из здания, напротив, на скамейке, сидела моя мама. Так я встретила свою маму. Домой мы ехали очень долго, мама говорит, больше месяца, на вокзалах просиживали по несколько дней.

Встреча с братьями была очень не простой, во-первых, они меня не узнали, во-вторых, прошло почти 4 года, я уезжала красиво одетая, с кучерявыми волосами, а приехала лысая, нас там стригли, и одета соответственно, они считали, что я не их сестра. Очень долго я привыкала к дому, к родителям, к братьям. Старший брат меня обижал, я часто убегала из дома, хотела вернуться в детдом, папа меня всегда защищал. Так проходило мое детство, сразу я не могла называть родителей папа и мама, потом, со временем, привыкла. В 1996г. я решила подтвердить свой статус «Блокадник Ленинграда», долго в архивах искали, в какой детдом сдала меня тетя, я не знала, а этих детдомов были сотни, а может, тысячи. Они говорят: «Может, что-нибудь вспомните?», – я говорю: «Помню, из нашего окна виден был зоологический сад», тогда решили, что возможно, Зоологический переулочек, так меня нашли в архиве.

Отца в 1947г. перевели директором пищекомбината и там его подставили за помощь людям, дали 12 лет. 1 февраля 1951г. он вернулся домой, а 9 февраля – умер.

Ниже Восточных ворот на Кале есть Караимское кладбище, ему уже несколько веков, его охраняли, не всегда была такая возможность похоронить караима или караимку на этом кладбище, а памятник старались поставить. Привозили памятники разным транспортом и кораблями, и лошадьми, очень красивые памятники были из мрамора, я помню, несколько цветов его было, белый, розовый, черный, считали за честь здесь быть похороненным, или чтобы хотя бы памятник стоял. Здесь похоронены мой папа, мои дяди – его братья, еще другие родственники. Потом в 60-х годах запретили хоронить на кладбище. Как-то местный

совет выделил деньги на памятник партизанам, деньги пропили (так говорят). Вандалы пригнали кран и машину, хотели взять памятник с кладбища и поставить партизанам, они поднимали памятник, он падал, ломался, тогда брались за другой, и с другими памятниками то же самое случалось, так они не воспользовались, варвары, а бед наделали.

В 1962 г. два моих брата Миша и Адик устроились на работу на Кале, смотрителем и объездчиком, моя мама Раиса Осиповна – кассиром, все они жили на Кале, и я часто ходила к ним. Они держали хозяйство: были барашки, коровы, быки, куры, олень, две собаки, две лошади. Один песик попал в капкан (какой-то браконьер поставил на зайцев) и ему ампутировали лапку, он бежал на трех лапках, мы любили своих животных, особенно этого песика, звали его Альбатрос. Вот однажды он исчез, и почти неделю его не было, мы все так

переживали за него. И вот в одно прекрасное утро раздался лай у Восточных ворот, брат Миша пошел открывать ворота, и видим такую картину: стадо индюков из семи особей и сопровождает их Альбатрос. Мы, конечно, все были очень удивлены. Братья и мама еще занимались огородничеством на Бурунчаке, сажали огороды, все это, конечно, кроме дождей, не поливалось, а все росло, воды в колодцах не было, возили воду на лошадях. Огороды давали работникам музея.

В 1973 брат Миша женился на девушке Ольге, караимке и уехал в Феодосию, вскорости и мама с другим братом уехали в Феодосию. Никого в живых не осталось, там они все похоронены.

В 1953 году к нам приезжал Сергей Маркович Шапшал и говорил моей маме: «Твой младший сын старше, чем была ты, когда я уехал из Бахчисарая». Он хотел меня забрать в Литву, мама не отдала, говорила: «Она уже уезжала. Больше я ее не хочу отпускать никуда».

Дубинские Миша, Володя, Адик, Валя с мамой, 1940-41 г.

Вся моя родня жила на Кале. Жыли хорошо

Валентина Дубинская
(Бахчисарай)